

Надежда Бабкина:

«Я себя считаю достоянием народа»

«О, я замечательная, я просто прелесть! — живо откликнулась на просьбу рассказать о себе Надежда Бабкина. — Хотя, по секрету, у меня сквернейший характер — если что не по-моему, та-а-а-а-а могу сотворить!»

Она действительно прелесть — веселая, общительная, непосредственная. А к приведенной выше фразе она тут же добавила еще одну: «Я не депутат и не кандидат — я достояние народа».

И, честное слово, она права. — Надежда Георгиевна, что если мы начнем с разговора о личной жизни? Это не секрет?

— Да нет. Я замужем. Сыну 19 лет — блондин, высокий, красивый. По паспорту я Заседателева — поменяла фамилию, когда вышла замуж: я же никогда не думала, что у меня в жизни будет такой взлет. Муж — барабанщик, джазовый музыкант.

— А про подробности звездной жизни можно? Ну, там — косметические салоны, прислуга, норковые манто...

— Да о какой звезде может идти речь? Это просто какая-то насмешка. Тоже мне звезда — с утра рукава засучу, стираю, мою. Служанки у меня нет. На рынок и в магазины хожу сама. Платок надену и очки от солнца (чтобы не узнали) — наберу всего и тащу домой.

Меня здесь хотели пригласить на съемки «Звуковой дорожки». Так клипа-то у меня нет. Он сейчас стоит как минимум 12 миллионов — где я их возьму? Мне так и сказали: «Ты же у нас пародная артистка, значит, клипа у тебя нет и быть не может». Все правильно...

— А как же поклонники? — Это беда. Каждый из них, наверно, думает, что у меня их валом, — и, видимо, боится подойти. Да потом, знаете, мужик сейчас пошел какой-то дешеватый. Мне с ними неинтересно. Я посмотрю на пыльные ботинки да на золотые зубы — и на этом все заканчивается. Разговор об интеллекте можно не заводить.

А потом, куда они приглашают — обязательно в ресторан. На черта мне все это надо? Мне бы картошечку с огурчиками или капусту квашеную — этак полведра.

— То есть вкусно покушать вы любите?

— Но надо следить за собой. Ведь я артистка и действую публике на зрительный нерв. Так лучше этот нерв ласкать, чем раздражать. Я не пью, не курю, мяса не ем вообще. Два раза в год голодаю по 10 дней: на пост и летом. И так здорово получает-

**Как выяснилось,
она моет пол
собственноручно.
И сама ходит
на рынок. Также —
обожает
картошечку
с огурчиками. А вот
современных
мужчин, называя
«дешеватыми», явно
не жалуется...**

ся. Водичку пьешь, и нет проблем. Желательно при этом активно работать — чтоб не думать о еде.

— А какого стиля вы придерживаетесь в одежде?

— Люблю все свободное. Я большая — и чтобы туалеты были еще больше. Пусть гадают, сколько меня там. Хотя я не стесняюсь своих размеров — уж что выросло, то выросло. А из цветов обожаю черно-белое — в черно-белом я себя уважаю...

— Любимые духи?

— Иной раз обливаюсь с утра до ночи «Мажи Нуаром», иной раз «Пуазоном». А тут на «Клима» напала чегой-то вдруг. Все запахи — ядреные, терпкие, нежности-то в нашей жизни что-то маловато.

— Вы любите заниматься домашними делами?

— О чем вы говорите? Не то что не люблю — мне физически некогда. Не успеваю ничего. Иной раз дома такой слой пылищи, грязищи. Приезжаю — час почи. Ну, думаю, завтра в 7 утра встану, все сделаю. А с утра звонок — в полдевятого уже надо где-то быть.

Но если гости придут, я могу из ничего стол соорудить и красиво сервировать — это закалка общезжития. Там мы картошку на воде жарим — и ничего. Помню, я тогда из Астрахани привозила икру (я сама с Волги) 3-литровыми банками. А наши парнишки-музыканты работали на ликеро-водочном заводе — они коньячный спирт таскали, тоже 3-литровыми банками. Вот нас приходят проверять, а мы, бедные студенты, сидим — икра и коньяк.

Никогда не забуду, как я одному французу икру продавала. Он мне 100 долларов предлагал, а я говорю: «На черта они мне нужны, давай 100 рублей». Ну, вы теперь понимаете, откуда при таком подходе у меня может быть клип.

— Сын по маминим стопам не собирается пойти?

— Ему это не надо. Хотя музыкой занимался и знал весь мой репертуар. Но — неохота. Знаете, как он в музыкальной школе учился: на пианино играет и одновременно мышью дрессирует, за лапку ее привяжет и требует, чтобы бегала в такт... Завязал он с музыкой. Сейчас хочет работать оператором на ТВ.

— Ну, с вашей фамилией...

— Так он ни разу нигде не сказал, что сын Надежды Бабкиной. И в школе учился — никто не знал. (У него же другая фамилия). Все думали, что он казанская сирота — мама-то все время в разъездах. Случайно выяснилось, когда меня в школу за двойку вызвали.

— Недавно вы были в юри конкурса «Славянский базар». Какие впечатления?

— Я убедилась, что молодежь у нас — брошенные люди. Там, например, один шоу-бизнесмен совершенно четко говорил: «А мне плевать, как она поет, — были бы попки хорошие, и я ее сделаю звездой». Вы считаете, это правильно?

Меня волнует духовность. Мне кажется, и люди-то готовы принять эту духовность, а мы, деятели культуры, — как раз нет. Я порой даже реву, клянусь, плачу от того,

что все вокруг происходит так несправедливо.

— Я так понимаю, что работа для вас — самое-самое главное?

— Вы знаете, я открою книжку, читаю и на второй странице уже не соображаю, о чем идет речь. Стыдно, невозможно — но мозги уже заняты работой. Просто мое дело мне безумно нравится. Мне кажется, я нашла тот крючок — вроде бы выхожу на сцену с фольком, а он вроде бы и современный. А сколько у меня материала из экспедиций — фольклора, который до сих пор поют в деревне, сочного, язычного! И народных распевов — вполне современных, но с гармошками, жалейками и балайками.

А недавно я вдруг запела романсы. Я-то их всю жизнь пела — но в компании. Мне всегда это нравилось, так что угораздилось не надо было — а теперь вот на публику решаюсь.

— Наверно, в наше время исполнителем народной песни приходится нелегко?

— Мне не так уж мало лет, чтобы делать себе какую-то новую карьеру. Хотя я прекрасно понимаю, что скорее всего не найдетесь такого близнеца, который будет вкладывать в меня деньги. И никто в мир попы и эстрадных тусовок меня не допустит в больших дозах. Хотя я твердо знаю, что, если бы это происходило, стыдно не было бы никому. Так что, конечно, мне тяжелее, чем многим другим. Но я не сетую на жизнь — каждому свое. И со сцены сходить не собираюсь.

Ирина ХМАРА.
Фото Бориса ХИГРИНА.